

Александр Михайлович Казбеги

Хевисбери Гоча

Александр Казбеги

Хевисбери Гоча

«Public Domain»

Казбеги А. М.

Хевисбери Гоча / А. М. Казбеги — «Public Domain»,

Александр Казбеги – один из самых популярных грузинских писателей второй половины XIX века. Его имя навсегда заняло достойное место рядом с бессмертными именами классиков грузинской литературы – Николая Бараташвили и Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и Важа Пшавела. Александр Казбеги продолжал и развивал славные патриотические, демократические и реалистические традиции своих великих предшественников и старших современников – в этом залог его неувядаемой славы, этим обрел он бессмертие в сердце своего народа. Хевисбери Гоча собственной рукой казнит сына Онисиме, который, увлеченный свиданием с любимой, невольно предал своих, дав врагу напасть на них. Скан с книги изданной в Тбилиси в 1955

© Казбеги А. М.

© Public Domain

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	10
5	11
6	13
7	15
8	17
9	18
10	20
11	21
12	22
13	24
14	26
15	28
16	30
17	32
18	34
19	36
20	37
21	38
22	39
23	40
24	41
25	42
26	43
27	45
28	46

Александр Казбеги

Хевисбери Гоча

1

Вечером, часу в девятом, к селу Каноби подъезжали вооруженные всадники с двумя порожними санями.

Молодые, все как на подбор, один стройнее другого, весело ехали всадники, пели, постреливали из ружей. Не с воинственной целью, видно, ехали они, да и мало их для этого было, а чужое село словно защищенная крепость: к нему открыто не подступишь.

Вот уже близко село. Сельские юноши выехали навстречу гостям. Отряды всадников с криками и ружейными выстрелами помчались друг к другу. С головокружительной быстротой неслись кони. Ружья сверкали в руках всадников, как молнии. Упруго изгибались джигиты, свешивались с коней, ладонью касались земли, снова стрелой выпрямлялись в седле и, колыхаясь, с нежно-стремительной легкостью неслись друг другу навстречу.

Встретились, кони сошлись – голова с головой, вот-вот сшибутся грудью. Но вдруг застывают на месте, как заколдованные, как высеченные из камня, и веселыми приветствиями оглашается воздух:

– Доброй дороги!

– Доброй дороги и вам!

А потом расспросы, поклоны, и все попеременно сворачивают с дороги к одиноко стоящему дому; там в окнах – огни, там – плеск ладоней, веселые звуки пандури.

У порога опять постреляли из ружей и пистолетов, гул выстрелов слился с криками сбегавшихся отовсюду ребят. Всадники спешили. Ребята, приняв разгоряченных коней, стали водить их по двору, чтоб не сразу остыли кони.

Гости у входа собрались в круг. В кругу стоял юноша в бурке, накинутой на плечи, с едва пробивающимися бородой и усами. Рядом с ним – другой юноша, побогаче одетый, увешанный оружием с золотым и серебряным набором.

Все смолкли, тишина обступила дом.

Из этой тишины сперва еле слышно, потом все явственней выступили нежные звуки «Джварули». Голоса подхватили напев, и гармонический гром могучей песни, зовущей на подвиг людские сердца, величаво наполнил окрестность. Эту песню поют только в горах, только суровая природа высот могла породить такие чистые, мощные звуки.

Эта песня поется в походах, с этой песней поднимают знамена, с нею празднуют свадьбы. Теперь была свадьба. В кругу стояли рядом: юноша в бурке, Гугуа Пичитаури, жених, и другой, побогаче одетый, Онисе, первый дружка, сын прославленного вождя Хеви – хевисбери Гоча.

2

Гости вошли в переполненный дом, старшие выступили на встречу с приветствиями. Благословили путь жениха, обвели его вокруг очага, усадили на главное место рядом с дружкой и со старейшим в доме. Снова уселись за стол, снова начался пир, и пошла по рукам круговая заздравная чаша.

Но пировали только мужчины. Женщин не было видно, только слышались их голоса за перегородкой, в дальнем углу. Там провожали невесту. Там были песни и пляски, туда потянулись и юноши: восхищенно глядели они на стройных красавиц, выходявших в круг танцевать лекури.

Вот где было веселье! Плясали девушки, дразнясь, убегали от юношей. Вот, лукаво глянув на смуглого парня, раззадорив его, потянув за собой, – глядишь, ускользнет красавица то словно тихая речка, то словно бешеный горный поток.

Убегает мохевская черноглазая девушка, как вспугнутая серна, на лице ее страх; раскинув руки, как орлиные крылья, устремляется юноша следом за ней. Усталость одолевает нежную. Охотник все ближе и ближе, вот уж он раскрывает объятия, – нет спасенья трепещущей горлинке! Пустые надежды! Девушка, увернувшись, уходит из-под его распростертых рук и – вон она! – перебирает ножками уже по ту сторону круга. Огорченно смотрит юноша вслед ускользнувшей, видит улыбку ее, ласковый блеск ее глаз, которые снова зовут, манят к себе, словно говорят: «Поймай, догони меня, буду рада тебе!»

Только двум юношам, Онисе и Гугуа, сегодня надлежит быть степенными, сидеть чинно, хотя всем сердцем своим они там, с веселящейся молодежью. Украдкой поглядывают они в ту сторону, откуда доносятся звуки веселья и плясок. Гугуа томится желанием хоть разок взглянуть на свою милую Дзидзию, а Онисе мечтает пронзить соколиным своим взглядом девушку, – все равно, кто бы она ни была, лишь бы глаза ее блестели, лишь бы манили уста, розовели юные щеки и воспламененное сердце бурно гнало по жилам горячую кровь.

Вдруг расступились гости: вошла мать невесты. Все встали, приветствуя ее. Прямо подошла она к первому дружке, обняла его и прижала к своей груди.

– Ну вот, дорогой мой, – сказала она, – тебе я поручаю дочку мою... Присматривай за нею, заботься о ней, и всякого, кто посмеет обидеть ее, накажи!

– Богом клянусь тебе, Хазуа, жизни своей не пощажу! – ответил юноша. – Обидчик ее будет иметь дело со мною, – сурово прибавил он, – а со мною шутить, ей-богу, никому не советую!

– Гугуа еще молод, – продолжала старуха, – а мир велик и пестр, на каждого не угодишь... И чего только не может натворить язык человеческий! Ты вразумляй этого юношу, чтобы не слушался он ничьих наветов. Немало врагов на свете. Не выдержит бедная моя дочь, если собьет его с пути людская молва, исчахнет, истает вся...

– К чему, к чему такие речи, Хазуа? – прервал ее Онисе. – Гугуа хоть и молод еще, но он не какой-нибудь пьяница и не пустой человек... Товарищи берегут его, как зеницу ока, встанут за него все, как один, потому что и сам Гугуа не пощадит себя ради друзей. Отважный он человек и, богом клянусь тебе, не посрамит он вашу семью.

– Слова твои – мед, дорогой мой, век бы слушала их! – воскликнула старуха. – Не осуждай меня, Онисе!.. – смущенно прибавила она. – Состарилась я, с адамовых времен на свете живу, одна-единственная у меня дочка и никого больше нет... И свет, и солнце она для меня, в ней одной отрада моя.

– Перестань, Хазуа, утомишь гостя! – крикнул старик из дальнего угла. – Приготовь невесту да поскорее вручи ее дружке!

– Сейчас, сейчас, мои милые... Идем, Онисе! – заторопилась старуха. Завистливым взглядом проводил Гугуа друга; тот шел к его желанной Дзидзии, а жениху, по обычаю, не следовало до свадьбы глядеть на невесту.

3

За переборкой, в темной клетки, скупой освещенной мерцанием лучины, печально сидела среди бочек и кувшинов невеста со своими подругами. Чего только не выдумывали девушки, чтобы развлечь, развеселить невесту!

Шестнадцать лет минуло Дзидзии, и была она в той цветущей поре, когда буйствует юная кровь, а сердце рвется к еще неизвестному счастью и трепетно любит каждый цветком, каждой былинкой и вступает в жизнь, как в обетованную, блаженную страну. Она была стройна и красива: губы – словно нежный бутон, готовый раскрыться для поцелуя; бело-розовое лицо было покрыто ровным загаром, никогда не заливал его сплошной румянец; иссиня-голубые глаза, окруженные надежной охраной длинных ресниц, сверкали из-под тонко натянутых над ними бархатных бровей; густые черные волосы, заплетенные в две косы, плющом обвивались вокруг беломраморной шеи. Словом, Дзидзия была писаная красавица, и каждый, увидев ее, невольно восклицал: «Да снизойдет благодать на тех, кто породили тебя!»

Многие вздыхали по ней, многие пытались похитить ее, но так уж, видно, решила судьба, что избрал ее Гугуа, и она досталась ему.

А раз уж Гугуа назвал ее своей и девушка дала ему слово, – никто больше не смел подступиться к ней: с Гугуа было опасно шутить, и солнце померкло бы для того, кто бы дерзнул теперь стать ему поперек дороги.

Дзидзия шла замуж по доброй воле, Гугуа нравился ей, и не одну ночь провела она, вздыхая по нем, не раз вставал перед нею его мужественный образ. И все же сегодня, когда пришло время проститься с родным домом, с друзьями, с девичеством и стать женщиной, сердце ее сжималось какой-то смутной жалостью к себе самой и трудно ей было расстаться со своим прошлым. А прошлое свое она помнила хорошо: ее всегда и всюду баловали, все любили, нежили ее, теперь же, кто знает, что ждет ее в будущем?

От безотчетного волнения лицо ее чуть-чуть побледнело, стало нежней; прекраснее, чем когда-либо, была она в этот вечер!

Тщетно старались подруги утешить и развлечь невесту. Вдруг все замолкли, пронесся шопот:

– Идет! Дружка идет!

Все повскакали с мест. Словно уколом в сердце пронзило Дзидзию какое-то неприязненное чувство. Вскочив, она быстро опустила на лицо покрывало. Вошли – Хазуа, Онисе, какой-то старик и еще много девушек. Все обступили Дзидзию. Начались «плачи» по невесте, прощальные песни, грустные слова расставания девушки с родным домом, с друзьями. Подруги целовали невесту, плакали, причитали.

Но вот замолкли песни. Старец зажег восковую свечку, перекрестился, подошел спокойно к девушке, взял ее за руку и, помянув святого покровителя Хеви и ангелов его, обернулся к Онисе.

– Онисе! Вот вручаем тебе девушку, чистую и непорочную... Отныне назван ты братом ей. – И старик вложил в руки Онисе дрожащую и горячую руку девушки.

От прикосновенья девичьей руки Онисе вдруг смутился, растерялся, и какая-то непонятная тревога охватила его.

– Ну, вот! Да будут защитой ей ты и честь твоя! Никого, кроме тебя, не будет в вашем селе, кто мог бы оберегать ее и заботиться о ней, отныне ты – ее названный брат.

– Перед богом клянусь, – жизни своей не пощажу ради нее!

Старец подошел снова к девушке и медленно поднял покрывало с ее лица. Как раз в это мгновение Онисе произнес:

– Она – мне сестра, а я – брат ей!

Но слова замерли у него на устах. Он вздрогнул и зашатался, словно хлебнул не в меру вина.

– Что с тобой? – спросил старик.

– Ничего, ничего, душно, голова закружилась, – еле слышно прошептал Онисе.

– Не много ли выпил?... Дайте воды! – обернулся старец к женщинам.

– Нет, нет, не надо, родимые! – сказал Онисе. Руку девушки он все еще держал в своих руках, хотя и чувствовал, как она обжигает его, волнует кровь, сводит с ума.

Онисе провел рукой по вспотевшему лбу и, взглянув девушке прямо в глаза, громко сказал:

– Призываю в свидетели бога в небесах и землю под ногами своими, что буду любить Дзидзию, как сестру, буду служить ей, как брат, даже больше, чем брат!

Рука девушки дрогнула. Онисе взглянул на нее и быстро опустил голову. Тихий, глубокий стон вырвался из его груди, сердце забило в тревоге.

4

Почувствовал Онисе: как море беспарусным суденышком, играет его сердцем бурно kloчущая кровь, туманит взор в разум его.

Юноша негодовал на себя, досадовал, что не умеет совладать с неудержимо нахлынувшим чувством, хотел успокоить девушку ласковым словом, но пересохло во рту, сдавило горло, язык онемел. Нет, лучше бежать от беды, так неожиданно наступившей на сердце и растоптавшей его!

Онисе простился с девушкой и вернулся к гостям. Они весело пировали: молодежь балагурила, смеялась, старики беседовали о грядущих судьбах родной Грузии.

Вот внесли длинные, низенькие деревянные столы, в изобилии разложили на них пунтуши – особым способом испеченные мягкие хлебцы, и жирные куски мяса откормленных для этого дня баранов!

На дворе бушевала зима, валил густой снег. Гости торопились покончить с ужином и вернуться домой, – боялись снежных обвалов: вдруг завалят они дорогу.

Последняя чаша «за благополучие дома сего» обошла гостей; старший в роде, сидевший во главе стола на особом стуле, зажег восковую свечу, воззвал к хевским угодникам и святым и вручил судьбу поезжан господа богу. Потом обернулся он к Онисе, еще раз поручил девушку его братской защите, потребовал сундук с приданым и передал его поезжанам.

Снова повели первого дружку в клеть, чтобы вручить ему невесту.

Задумчивый и смущенный, послушно исполнял Онисе все, что требовалось от него по обычаю.

Его подвели к невесте, снова вложили руку девушки в его руку и снова раздались величавые звуки «Джварули». С этой песней, казавшейся Онисе погребальным напевом, направились дружка с невестой в общую комнату, где ожидал их жених. Увидев их, Гугуа вспыхнул весь, глаза засверкали, по губам пробежала улыбка сдерживаемого счастья. От смущения он низко опустил голову.

Онисе подвел невесту к жениху. Девушка вздрогнула, и рука ее, словно нехотя, выскользнула из руки дружки. Гугуа схватил ее руку и сжал с такой силой, что она хрустнула в его ладони. Девушка чуть не вскрикнула от боли. Онисе направился к выходу. За ним двинулись жених с невестой. Так дошли они до саней, а потом забота о невесте, по обычаю, снова перешла к первому дружке. Он и невеста уселись в сани. Гугуа должен был сопровождать их верхом, – потому что нельзя жениху до венчания в церкви сидеть рядом с невестой. На другие сани уложили приданое, и весь свадебный поезд с песнями, гиканьем и ружейной стрельбой полетел в родное село.

5

Ночь была холодная, мутная. Белесовато отсвечивали сугробы вокруг. С воем налетал холодный ветер с юга, и мелкая колючая пороша царапала лицо.

Мальчик, укутанный в бурку и башлык, правил первыми санями, с трудом пробираясь по занесенной снегом дороге. Далеко было ехать!

Разгоряченные пиром поезжане ускакали вперед, весело джигитуя.

Онисе сидел в санях рядом с Дзидзией. Откинув башлык, он сдвинул папаху на затылок и подставил ледящему ветру пылающее лицо.

Миновали первые мгновенья растерянности и тревоги – воздух освежил его мысли. Только теперь понял он, какая беда его постигла. Только теперь почувствовал и сладость первой любви, и горечь сурового долга, навсегда разлучившего его с девушкой, сидящей рядом.

Жадно подставил он лицо ветру и снегу, словно ожидая спасения и успокоения от них, и они без помехи хлестали его.

Он думал, что, охладив лоб, охладит и кровь свою, успокоит взбудораженное сердце. Но увы! С грустью убеждался он, что образ Дзидзии неодолимо овладел его сердцем и тихо, бережно и сладостно баюкает его; баюкает так осторожно, так заботливо, как только мать может качать своего первенца.

Онисе решил не глядеть на девушку, не говорить с ней, зная, какая это будет для него пытка. Глядеть? Говорить? Шевельнуться не смел он, не смел вздохнуть, чтобы невольным движением не выдать себя.

Притихла и Дзидзия, сидела с низко опущенной головой. Кто скажет, что бушевало в ней в этот час, какие волны вздымались в сердце, к чьему образу с ужасом и тоской влеклась ее мысль?

Для чужого взора сердце ее было – словно безмолвная черная пропасть: ничего там не разглядишь, ни на что не получишь ответа.

Дзидзия была в легком шитом архалуке, плечи она закутала в шаль, – плохая защита от ветра и непогоды! Она замерзала, холод пронизывал ее, но она молчала.

А дружке это и в голову не приходило, он весь ушел в свои думы. Будущее Дзидзии было поручено общиной его заботам, его совести. Оберегать имя и честь этой девушки, заступаться за нее даже перед мужем – все это становилось отныне святым его долгом, – а, по слову горцев, «доверенное даже волк бережет». Что же делать ему со своею любовью? Всепоглощающая страсть пронизывала все его существо, безжалостно терзала мозг и сердце. Как примирить эту боль с возложенным на него непосильным бременем?

Тем временем ветер и стужа брали свое. Девушка стала дрожать. Почувствовал Онисе ее дрожь, вздрогнул сам, как ужаленный, повернулся к ней. Тут только заметил он, как легко одета невеста. Дзидзия, его сестра, его святыня, страдает, а он даже не позаботился защитить ее!

Один поворот головы, один взгляд, одно легкое прикосновение – и Онисе вспыхнул, как порох.

– Ох, девушка, да ты замерзла совсем, а я и позабыл о тебе! – воскликнул он, весь дрожа, теряя всякую власть над собой.

– Ничего, не беда, родимый! – сказала девушка нежно и еле слышно. В ее голосе, бог весть отчего, звучала печаль.

– Бедная ты моя, да как же это не беда? Что станет со мной, если ты захвораешь? – И, сорвав с Дзидзии мокрую шаль, Онисе откинул полу бурки, укутал плечи девушки, обнял ее и с силой притянул к себе ее тонкий стан. Он прижал ее к своей груди. Сердце бурно забилося. Дзидзия не противилась, – оттого ли, что страсть Онисе напугала ее, подчинила себе, оттого ли,

что она поняла его муки. А он, теряя рассудок, все сильнее обнимал ее, все крепче прижимал к своей груди.

Одно только чувство владело им в эти мгновенья – чувство беспредельного счастья, не сравнимого ни с чем на свете. Что ему люди, весь мир? Стоит ли думать о них? Он медленно склонился к лицу девушки, горячее дыхание обжигало ее. Он прикивал к ней и шептал те странные речи, которые может шептать только любящий, речи простые, немногословные.

– Тебе холодно, все еще холодно?... Жизнь ты моя! – прерывисто шептал Онисе, и казалось: изо рта вырывался пожирающий огонь.

Дзидзия притихла, словно притаилась, молча прижалась к груди Онисе, и сердце ее трепетало от радости и страха. Раньше у нее хватало сил скрывать от дружки свое чувство, но теперь, когда лицо Онисе было так близко от ее лица, когда она чувствовала его обжигающее дыхание, – все затаенное вырвалось наружу и она с глубоким вздохом взглянула на него благодарными глазами.

Непостижимая сила влекла их друг к другу, и в одном чувстве, в одном порыве и помимо их воли их губы слились.

6

Не было бы, верно, конца ласкам влюбленных, если бы не прервала их безжалостная случайность. Захолодал в пути один из поезжан, захотелось ему погреться водкой. Придержав коня, стал он дожидаться саней, в которых лежали бурдюки.

Когда подъехали сани, увидел он, что Онисе, словно прячась от холода, уткнулся головой в бурку. Не понравилось это горцу: нельзя мужчине показывать свою слабость перед женщиной, стыдно это и унизительно, а позор одного наводит и на остальных тень позора.

Вот почему поезжанин этот, хотя и в шутку, занес нагайку над головой Онисе и громко крикнул ему:

– Эй, ты, голова, или замерз совсем?

Вздрогнул Онисе. Он поднял голову и, как во сне, огляделся невидящими глазами. Чувство обиды угасло мгновенно. Онисе пришел в себя. Жестокая, безжалостная правда жизни лишала его всякой надежды на счастье. Человек, только что предававшийся безрассудной страсти, снова стал человеком разумным, отвечающим за себя. Сознание своей ошибки потрясло его, искорка раскаяния обожгла его душу. «Значит, тщетно билось его сердце в ожидании счастья? Значит, напрасно встревожил он Дзидзию, склонив ее на ответные ласки?» Вихрем кружились мысли в его голове, и чей-то неотступный голос упрямо и тонко звенел в ушах: «Напрасно ты убиваешься».

– Да что с тобой, парень, уж не пьян ли ты? – прервал молчание всадник, на которого все еще продолжал удивленно глядеть Онисе.

– Ну, чего тебе надо? – произнес он наконец, с трудом отвлекаясь от своих мыслей.

– Уж не заболел ли ты?

– Не знаю, право, что-то нехорошо мне.

Всадник вплотную подъехал к саням, наклонился и заглянул в лицо Онисе. Тот отвернулся и сердито воскликнул:

– Ты что смотришь? Чего тебе надо от меня?

– Ничего мне не надо, – удивился поезжанин и прибавил:– Я хотел только посмотреть, не жар ли у тебя, – красный ты или нет?

– Что ты разглядишь в темноте? – проворчал Онисе. – Верно, жар у меня, и голова болит и кружится, – прибавил он раздумчиво.

Поезжанин пристально всмотрелся в Онисе, словно не поверил ему, хотел что-то сказать, но сдержался и рассеянно потрепал коня по груди. Видно, пришла ему в голову беспокойная мысль, и от этой мысли забыл он и про стужу, и про водку, ради которой подъехал к саням.

Оба молчали. Каждый ушел в свои мысли, каждый старался разобраться в смутных своих чувствах.

Вдруг воздух огласился звуками веселой шуточной песни:

«По струнам чианури
Води смычком, играя!
Не тронь жену соседа:
Она – сестра родная!..»

В самое сердце ужалили Онисе эти слова. Песня приближалась, – это веселились поезжане в ожидании отставших саней.

Вот и окружили всадники подоспевшие сани, град веселых шуток посыпался на Онисе. Но первый всадник торопливо предупредил товарищей, что Онисе занемог и ему не до шуток. Поезжане притихли и молча последовали за санями.

Злой ветер щедро осыпал всадников с головы до ног колючим мелким снегом, налипавшим на ворс их бурок, и всадники становились похожими на белые изваяния. Так двигался молчаливый свадебный поезд следом за первым дружкой, замкнутым и мрачным, сопровождая непорочную девушку, которой не дано было знать, сколько испытаний готовит ему будущее в отмщение за сладостный миг первого чувства.

Вскоре стали пробиваться сквозь густую мглу отдельные еле мерцающие огни и слабо обозначились очертания домов. Они подъезжали к селу.

Всадники, почувствовав, что не подобает свадебному поезду въезжать в село в такой гнетущей тишине, вдруг встрепенулись, раздался выстрел, кто-то гикнул, кто-то поскакал вперед вестником. Песни и крики зазвенели в горах.

Очнулся и Онисе, но он не участвовал в общем весельи. Сердце его болело от близкой разлуки с любимой, которая не могла пойти против обычаев своего народа, не могла покрыть себя несмываемым позором.

7

Свадебный поезд приблизился к церкви. Величавый снежно-седой старец стоял перед церковью и приветливо вглядывался в подъезжавших. Изборожденное морщинами доброе лицо с первого же взгляда располагало к почтительному доверию. Умные глаза смотрели ласково и повелительно.

Силой и стойкостью дышал весь его мужественный облик.

Правитель Хеви, – общин всего ущелья, – хевисбери Гоча ожидал молодых. Он должен был первым благословить их и пожелать счастья.

Онисе еще издали увидел отца, перед которым преклонялись жители всего Хеви, чье слово для всех было законом, и бледность еще сильнее разлилась по его лицу, еще суше стало во рту.

И когда остановились сани, так смутился Онисе, что соскочил с них лишь после отцовского окрика: «Сходи, чего ждешь?».

Соскочил и неподвижно стал в стороне, безучастно глядя на людей, которые сновали перед его глазами.

Женщины окружили невесту, помогли ей сойти с саней, подвели ее к Гоча. Гоча снял с головы шапку, призвал бога и сказал невесте:

– Да благословит тебя господь! – Он прикоснулся к ее руке. – Да ты замерзла совсем, дрожишь вся! – воскликнул он и, взяв обе ее руки в свои, стал крепко растирать их, заботливо отогревая. Потом соединил руки Дзидзии и Гугуа.

– Да сочетается вас господь, и да не разлучит вас человек, – громко провозгласил он.

Девушка вздрогнула при этих словах. Онисе пошатнулся, стоявшие рядом поддержали его. Запели «Джварули», и жених с невестой вступили в церковь, где ждал их священник в полном облачении. Гоча обернулся к сыну.

– Что с тобой? – спросил он, испытующе заглядывая ему в глаза.

– Ничего, – пробормотал Онисе и низко опустил голову, не выдержав отцовского взгляда.

– Как же ничего, когда на тебе лица нет, едва на ногах стоишь!

– Нездоровится что-то.

– Нездоровится? – медленно произнес Гоча, еще пристальнее вглядываясь в сына. – Тогда почему ты на свадьбе? Ступай домой, ложись... Найдем другого дружку.

Вмешались родственники Гугуа. Горячо упрасивали они Онисе не покидать их в такой торжественный день. Но Онисе рад был уйти от непосильного испытания. Шатаясь, направился он к своему дому. Там, в темноте, не зажигая лучины, упал он ничком на свою постель.

Гоча вошел в церковь – смотреть на обряд венчания. Невеста стояла под покрывалом, изредка вздрагивая всем телом.

– Озябла, бедняжка! – сочувственно шепнул кто-то на ухо Гоча.

Он не ответил, только провел рукой по лбу, и еще теснее сдвинулись его нахмуренные брови.

Продолжался обряд венчания. Какой-то юноша сменил Онисе. Священник подошел к жениху и спросил его, – по доброй ли воле женится он на этой девушке. Жених смущенно улыбнулся и кивнул головой. С тем же вопросом обратился священник к невесте, которая стояла неподвижно, и только грудь ее высоко и часто вздымалась.

Ничего не ответила невеста, низко опустила голову. Но зашумели, заговорили женщины, – любят они отвечать за других!

– Ну как же не по доброй воле?... Что тут спрашивать! Если б не ее воля, не стояла бы она здесь!.. – наперебой застрекотали они.

Дзидзия продолжала молчать.

– Так по своей воле венчаешься? – снова спросил священник.

– По своей, по своей, сердечный, а то кто же, кто волен над нею, чтобы насильно заставить! – снова зашумели женщины, и священник, довольный ответом, приступил к совершению седьмого таинства.

8

Венчание – радостный обряд, и теперь он проходил, как обычно. Весело перешептывались дружки, поезжане, женщины. Много было шуток и беспричинного смеха.

Только невеста стояла немая, словно камень. Молчалив был и Гоча, чье лицо дышало величавым покоем. Искренно веруя, всеми помыслами своими стремился он к всевышнему. «Глас народа – глас божий». Как избранный пастырь своего народа, молился он за народ, за детей его – жениха и невесту, вступающих в брак. Глубокое знание жизни и постоянные думы о делах народных отметили печатью большой человечности его подвижное лицо.

Сегодня какая-то печаль омрачала временами его высокий лоб, хмурились брови, словно тень находила на солнце, но мгновение спустя он снова с глубокой верой обращал ввысь свое мужественно-торжественное лицо.

Можно было подумать, что его многоопытное сердце чувствует приближение беды. Достаточно было его мудрым глазам взглянуть на сына, чтобы понял он: не болезнь гнетет Онисе. Но правды он еще не мог разгадать и, как испуганный зверь, только в воздухе чуял опасность.

Венчание кончилось. Молодых отвезли домой. Их обвели вокруг очага, а потом разлучили, – новобрачной следовало отдохнуть среди женщин. Гоча стал рассаживать приглашенных за свадебные столы.

Жених, сияя от счастья, в венце с бахромой, сидел на почетном месте, окруженный родней и друзьями.

Началось пиршество: здравицы, застольные песни – «Смури». Временами брал какой-нибудь старец в руки пандури и, перебирая струны, пел на грустный лад песню о древних и любимых героях. Тогда затихал, как по волшебству, застольный шум, и все, затаив дыхание, слушали рассказ о беззаветном служении народу, о мужестве и чести, так щедро вознаграждаемых всегда народной любовью.

А потом опять пели «Смури», а потом плясовую – «Гогона». Так веселились они до утра.

9

Пока шло веселье в доме Гугуа и сердца гостей резвились, как ягнята на снежной поляне, Онисе лежал, уткнувшись лицом в подушку, не в силах поднять тяжелую, разгоряченную голову. Кровь стучала в висках, в ушах шумело. Тяжкий стон вырывался порою из груди Онисе. То вскакивал он, весь в холодном поту, и долго сидел неподвижно, уставившись в темноту застывшими глазами. То снова, рухнув на тахту, изнемогал от сладких видений. Но вдруг, очнувшись, вскочил он так стремительно, словно тысячи шипов вонзились в сердце, и с криком: «Нет, нет, не бывает этому!» – бросился к выходу.

– Ты куда? – В раме двери возник Гоча с зажженной лучиной в руке.

– Отец! – Онисе отшатнулся.

Старик испытующе посмотрел на сына и вошел в дом.

– На, возьми, – протянул отец лучину. Онисе взял лучину и поставил ее на каменный выступ у камина.

– Куда ты шел? – строго и спокойно повторил свой вопрос: хевисбери.

– Никуда! – растерялся Онисе.

– Это не ответ, – нахмурился старик; он требовал от всех доверия к себе и правдивости.

– На свадьбу хотел!..

– На свадьбу? Поздно на свадьбу, – там одни только пьяные остались теперь.

– В горах выпал снег, зверь, верно, спустился пониже, – хотел я на свадьбе подговорить какого-нибудь охотника со мной на охоту пойти, – солгал Онисе.

Отец не спускал с него глаз.

– Ты что, малый, шутишь?

– Почему шучу?

– Разве ходят на охоту по свежему, рыхлому снегу? Или хочешь, чтобы обвалом тебя занесло?

Не сообразил Онисе второпях, что охота в такую погоду и в самом деле опасна, а запальчивость и неосторожность не пристали доблестному мохевцу, жителю Хеви.

– Не занесет, – пытался оправдаться он, – ветер сдул, верно, снег со скал и оголил их.

Старый мохевец еще раз взглянул на сына.

– Молчи, малый! Ты что-то скрываешь от меня!

– Что мне скрывать?

– Не знаю и не спрашиваю тебя об этом, – строго сказал старец. – Ответь мне только одно: помнишь ли ты, из какого ты рода?

Онисе с удивлением посмотрел на отца.

– Помню!

– Помни и никогда не забывай об этом, – погрозил ему пальцем старик. – Верю, что ты не станешь посмешищем для народа, – спокойно прибавил он.

Юноша склонил голову и густо покраснел, словно только сейчас почувствовал свою вину.

– Ну вот, а теперь ступай, – сказал старик, поднимаясь с тахты. – Иди, куда хочешь, только помни мои слова... помни, из какого ты рода... а человек создан для страдания!

Старик взял лучину и вышел с сыном на крыльцо. Там он еще раз взглянул на него, будто хотел еще что-то оказать, но промолчал, отвернулся и вошел обратно в дом.

Онисе продолжал стоять на крыльце. Он понимал, что отец чует беду, но еще не знает всей правды о чувстве, грозящем погубить доброе имя их семьи.

«Помни, из какого ты рода», – сказал ему отец. Нет, Онисе не опозорит свою семью. Он не станет преступником. И Онисе дал самому себе клятву – с корнем вырвать из сердца это чувство. Он воскликнул:

– Да, я пойду на свадьбу!.. Я – мужчина, у меня шапка на голове, и совладаю я с сердцем своим!

Стремительно сбежал он с лестницы и вскоре переступил порог дома Гугуа, где пир еще был в разгаре, хотя приближался рассвет.

Все радостно встретили Онисе. А он, словно нагоняя упущенное, веселился больше всех, пел и балагурил без удержу.

10

Кончилась свадьба... Минули первые радостные дни. Подруги, по обычаю, сводили молодую за водой, разломали у родника пирог с сыром в знак доброго соседства, угостили новобрачную пирогом, спели старинную песню:

«Дружка мой.
Помоги поднять кувшин с водой!..»

И жизнь вошла в свою привычную колею.

Дзидзия стала хорошей, послушной женой, она прилежно работала в доме и по хозяйству. Никто никогда не слышал от нее грубого слова, и старшие невестки, обычно обижающие младшую, любили ее, как родную сестру.

Гугуа любил свою жену: всегда-то принесет ей какой-нибудь гостинец – кусочек чурчхелы или румяное яблоко, всегда обнимет и расцелует ее. А Дзидзия молчаливо искала одиночества. Никогда не улыбались ее глаза и поблекшие губы.

Все старались развлечь ее, жила она свободней других, невесток Хеви, ходила на храмовые праздники и оплакивания умерших. Там встречались родственники и друзья, годами жившие в разлуке, там конца не было оживленным разговорам. Но Дзидзия оставалась молчаливой и скрытной, хотя у нее всего было вдоволь: и еды, и питья, и нарядов; не могла она пожаловаться на то, что мало о ней заботятся или не любят ее, но давила ее какая-то непосильная, непонятная тяжесть. Она грустила и таяла с каждым днем.

Вначале женщины старались разгадать тайну сердца своей новой подруги, но вскоре отступились, решив, что у нее от природы такой нрав.

Тем временем Онисе уехал в Пшавию, где жили его дяди, братья его матери. Там, охотясь и пастушествовая, надеялся он убить время, развеять свою печаль. Но стоило ему остаться где-нибудь в горах одному и задуматься над своей судьбой, как тотчас же снова вставал перед ним образ Дзидзии и тяжелый стон вырывался из груди.

Синева небесная и облака, луна и звезды, все богатство природы – весь мир был прекрасен лишь оттого, что образ Дзидзии был неотделим от него, и Онисе без конца любовался прекрасным видением.

11

Миновала угрюмая, холодная зима, унесла с собой свинцовые туманы, кутавшие в одежды скорби ущелья и вершины гор. Унесли северные ветры, которые с уныло-однообразным завыванием осыпали колючим снегом все живое, душили все краски и ароматы земли, иссушали их, дробили и развеивали по миру.

Природы не узнаешь: вой ветра сменился тихими шелестами. Земля согрелась, растения ожили, трава почувствовала прилив соков, приподнялась, призвала на помощь солнце. Разорвался снежный покров, превратился в ручейки, которые с ревом устремились вниз, в ущелья, не разбирая ни путей, ни дорог. Кавказские горы, освободившись от тяжелой, ненавистой ноши, встряхнули головами и набросили на плечи зеленый бархат взамен белой парчи. Цветы проснулись и, нежно кивая друг другу головками, любовно зашептались между собою. Яростный солнечный луч метался в тревоге, стремясь насладиться их красотой, но они насмешливо прятались от него в зеленой траве. Только от хлопотливой пчелы невозможно было укрыться, и цветы позволяли ей собирать с них мягкими бархатными лапками ароматную пыльцу, высасывать из пестрых чашечек сладостный нектар.

Утренняя заря жемчужно кропила зеленые листья, полные соков, и охлаждала их раскаленный жар.

Воздух оглашался пеньем и щебетом птиц, перекликающихся между собою, призывающих друг друга к радости, к жизни. Все ожило; сердце каждой твари забилося тревожней в ожидании любви.

Онисе смотрел на этот праздник природы, не участвуя в нем. Сердца его не коснулась весна, оно все еще куталось в зимние облака, в нем было сумрачно и туманно.

Радость и упоение сулило всем величественное пробуждение природы, и только в сердце Онисе вливалось оно горечь, подобную соку молочая.

Ожесточенный, рыскал он, словно раненый барс, по горам и ущельям, нигде не находя себе покоя.

Еще потому тосковал он, что хотел вернуться к себе на родину, хотел снова слушать рокот родимых чистых родников. Пресной казалась ему вода на чужбине; шум ручьев не так ласкал его слух, как вой бешеного Терека, неудержимо скачущего по скалам. В мыслях своих он лелеял каждый уголок родной земли, но не смел вернуться туда, боясь, что силы покинут его, что забудет он предостерегающие слова отца: «Помни, из какого ты рода!.. Не стань посмешищем для людей!»

Надеясь, что любовь его угаснет вдали от Дзидзии, затевал он ласковые игры с девушками, стройными тушинками. Но стоило ему обратиться к какой-нибудь черноглазой с любовным словом, как тотчас же возникал перед его взором колдовской образ Дзидзии и, лукаво улыбаясь, говорил ему: «Не убивайся зря, не забудешь ты меня!» И Онисе в отчаянии отходил от девушки. Так пролетали дни один за другим. И все же, как ни тяжело ему жилось, Онисе неизменно был верен своему решению: не смеет он любить Дзидзию, должен забыть ее!

12

Однажды у подножия горы Архоти, куда тушинцы выгнали на летние пастбища овечьи стада, собрались потрапезничать пастухи. Было среди них немало мохевцев, вошедших в долю с тушинцами на нынешний приплод и теперь ожидавших срока.

Убоина сварилась, и собравшиеся приглашали друг друга занять места, подобающие возрасту и положению каждого. Многие уже успели усесться, когда на гребне горы показался человек. Перекинув, как палку, ружье через плечо и подоткнув полы чохы под пояс, спешил он к собравшимся, вытирая папахой пот со лба.

Видно было, что держит он путь издалека и по очень важному делу, потому что, приближаясь, он все ускорял шаги.

Редко встречаются путники в горах, поэтому собравшиеся с нетерпением всматривались в приближающегося: каждый ждал известия от своих.

– Кто бы это был? Как спешит! – говорили пастухи, заслоняя глаза от солнца, бьющего лучами прямо в лицо.

Больше всех тревожился Онисе, он даже побежал навстречу идущему.

А тот тем временем спустился в ложбину, пересекающую тропинку, и когда, мгновение спустя, он снова появился по другую сторону откоса, Онисе с радостным волнением подбежал к нему. Он узнал мохевца – своего соседа, сверстника и друга.

– В добрый час, Дата! – крикнул он.

– Дай тебе боже, – ответил Дата.

Обнялись друзья. Онисе не знал, с чего начать свои расспросы, – так много хотелось ему узнать. А Дата, словно нарочно, молчал. Слишком встревоженным казался он, чтобы молчание его можно было принять за шутку. Видно, с недобрыми вестями явился Дата.

– Ну, говори, какие вести? – спросил наконец Онисе, бледнея.

– Вести?... Пойдем в шалаш, – расскажу всем сразу.

Одержимый одной только мыслью, одной заботой, Онисе, позабыв, что Дата ничего не знает про его любовь, решил: сосед принес вести от Дзидзии и скрывает что-то недоброе, жалея его. Его возбужденные мысли могли озарять только одну из вершин его жизни, – все остальное лежало во мраке.

– Говори, друг, не скрывай ничего, – хрипло пробормотал Онисе. – Незачем мешкать, когда быка ведут на убой, – прибавил он.

Путник с удивлением взглянул на друга и подумал, что тот боится дурных вестей из дому.

– Да что с тобой, сосед? У вас все здоровы! – поспешил он успокоить его.

– Ты правду говори, заклинаю тебя!

– Да верно же, что мне врать!

Дата направился к пастухам. Онисе, все еще полный тревоги, шел рядом с ним.

– Постой-ка!.. – снова начал он.

– Чего тебе?

Онисе хотел опросить про Дзидзию, но не посмел назвать ее имени.

– Я... я... А как отец? – пробормотал он.

– Ты что, ума лишился? – удивился Дата.

– Тогда говори, рассказывай обо всех по порядку, – взмолился Онисе.

– И Гоча здоров, и твой дядя, и все домашние твои, слава богу, здоровы... И живут прекрасно, и даже ягнячьего ушка у них вдоволь!

– Тогда в чем же дело?

– А дело в том, что владетель Арагвского ущелья, дерзкий Нугзар Эристави решил нас поработить!

– Что? – не веря своим ушам, переспросил Онисе.

– Прислал сказать: если не покоритесь, пойду на вас войной и вырежу всех до единого.

– Ну, это еще посмотрим!.. Как-то он вырежет весь Хеви, как сделает нас своими рабами!.. – горячо воскликнул Онисе, нахмурился.

Подошли пастухи.

– Это верно, – да нрав у Нугзара больно крутой, всем известен... Никому не уступит без боя.

– А что думают в Хеви?

– Готовятся... без драки не обойтись. Разослали гонцов в горы, чтобы собрать пастухов отовсюду. Вот и меня сюда снарядили. Враг поднял всю Мтиулету, осетины тоже пристали к нему, все идут против нас... Теперь они стоят в Трусинском ущелье.

– Пойдем, все пойдем! – слышались крики. Многие схватились за оружие, словно уже начинался бой.

– А ну-ка, ребята, медлить нечего! – воскликнул Онисе. – Пошли! Там узнаем обо всем.

– Пошли, пошли! – И все кинулись к своим ружьям и пожиткам.

13

Светало. В ущелье Терека залег густой и белый, как взбитая вата, туман. Казалось, что окрестные села сами закутались в него. Лишь кое-где самые высокие гребни гор, прорвав плотный покров, высились над туманом, словно стояли в воздухе. И еще выше над ними – восходящее солнце озаряло легким пурпуром синий край неба. Нежно мерцали побледневшие звезды в предчувствии близкого дня. Седые вершины Кавказского хребта гордо глядели сверху на гору Самеба, где на зеленом, усеянном цветами склоне возвышался древний храм святой троицы – Самеба. Туман ровными слоями подступал снизу к священному памятнику нашего прошлого, словно отрывая его от земли. Величественное зрелище открывалось отсюда.

Земля спала, все было безмолвно. И это безмолвие рождало какую-то тоскливую тишину. Притих даже хлопотливый ветерок, не резвился среди пестрых ароматных цветов. Камень, скатившийся из-под ног вспугнутого тура, изредка нарушал тишину; и этот шум сливался с шумом горных водопадов, вечно баюкающих родную спящую природу.

Протяжный свист прорезал воздух; должно быть, горная индейка почуяла своего друга в тревожном предрассветном сне.

Заалела верхушка Мкинвари, солнце надело на нее золотой венец, – переливчато заискрился белый, чистый снег. И тотчас же закудаhtала куропатка, страстно призывая друга. Тоскливо одной наслаждаться прелестью мира! Встрепенулись тур и серна. Отдохнули за ночь быстрые ноги, им нужно было поразмяться, а белый, переливающийся тысячу огней снег так и манил порезвиться на нем! Одурманивала сладкая свежесть. Неподалеку, в «медвежьем бору», запел дрозд, славя разлитую в природе благодать. Вдруг ударил колокол. Звук его, расходящийся медленными кругами, подхватил рассветный ветер и унес далеко в горы. Ударили во второй раз, потом начался частый, размеренный звон. Проснулись сторожа в храме троицы.

Потянуло свежестью, заколыхался туман, взволновался, а тут еще солнечные лучи пришли на подмогу заре, и туман, как влюбленный, негодующий на докучный свет утра, стал украдкой пробираться по расселинам и отступил далеко за горы.

Ущелье озарилось утренними лучами, и в его извилинах зазмеился яростный, пенящийся Терек. Зашевелились в деревнях, всюду стали появляться люди, собираться толпами, с волнением что-то обсуждая. В каждом селе толпился народ, и над каждой толпой реяло свое знамя, знамя села, древнее знамя общины. Колокол продолжал звонить.

Послышались торжественные звуки воинственной песни «Гергетула», народ, обнажив головы, подхватил песню. Знаменосцы сошлись и выступили вперед, а за ними, сомкнутыми рядами, благоговейно двинулся народ, готовый итти хоть в огонь за святыней своей – знаком славы и чести.

Все шли к храму святой троицы, где заседал общинный совет и был назначен сход теми. Решение, принятое народом, было свято для каждого горца и всеми исполнялось беспрекословно.

На Троицкой горе ожидал свою паству хевисбери Гоча, задолго удалившийся туда для очищения души. Были с ним и его помощники, тоже очищавшиеся многодневным постом, чтобы стать достойными коснуться «верховного знамени» общины. А это – суровый обряд: слову, данному перед этим знаменем, нельзя изменить, и каждый моховец скорей умрет, отречется от родной матери, от брата... и даже от любимой своей!

Да и дело, ради которого нынче собрался народ, было нешуточным делом. Вольным общинам угрожало рабство; соседи, вчерашние друзья, шли войной; ненасытный Нугзар Эристави, лев рыкающий, не довольствуясь господством над Мтиулети, в неутолимой жажде порабощения обратил свой меч против свободолюбивых соседей, пожелал подчинить их власти своей, хотя бы пролив ради этого братскую кровь.

Мохевцы понимали грозящую им опасность и хотели достойно встретить врага.

14

Троицкий храм Самеба стоит на верхнем краю пологой поляны, спускающейся со склона Кинварцвери.

Сверху поляну замыкает небольшая гора со стройной вершиной, а внизу – крутой обрыв спускается к Тереку, до самой деревни Гергета.

Гордо возвышается церковь из тесаного камня; рядом – колокольня и здание общинного совета. Сама природа обвела это место крепкой, прочной оградой, кое-где еще более укрепленной рукой человека.

Поблизости нет твердого камня, из которого построен храм, и речка бежит далеко внизу, в ложине. К храму ведет извилистая тропинка, по которой даже пешеходу нелегко подняться. Поэтому удивленно спрашиваешь себя: откуда и как доставлялся материал для такой прекрасной постройки? И, глядя на храм, понимаешь, какая могучая сила скрыта в единодушном, высоком порыве народном. В стене храма замурована мраморная плита, с которой ветры и ливни не успели еще стереть едва различимую надпись: «...Хари Лома... пастух Тевдоре...» – имена тех, которые, верно, отдали немало сил на построение памятника бывшего величия Хеви.

Поднимаясь к храму по тропинкам, народ стекался на поляну перед церковной оградой. И когда над оградой сперва показался крест общинного знамени, укрепленный на древке, а потом, медленно колыхаясь, выплыло и само знамя, народ благоговейно опустился на колени перед своею святыней.

На одной из башен ограды появился старец с обнаженной головой. Неземным видением казался он: гладко ниспадающие волосы, седая борода и длинное белое одеяние из простого холста с веревкой вместо пояса. Его светлое и кроткое лицо, ныне исполненное суровой печали, невольно влекло и подчиняло себе людские сердца. Сельские знамена, заколыхавшись, отделились от толпы, и знаменосцы в белых чохах внесли их в ворота церковной ограды. Вскоре они появились на башне, окружив главное общинное знамя. Все затихли, даже ветер, и тот присмирел, словно поняв, что решается нынче судьба всего Хеви. Старец прикоснулся к знамени, увешанному маленькими колокольчиками, и среди глубокой тишины зазвенели они, и дрогнули от священного звона сердца коленопреклоненных людей.

– Благословляет, благословляет! Гоча благословляет! – пронесся шепот в толпе.

Гоча еще раз колыхнул знамя, колокольчики снова зазвенели чистым звоном, и хевисбери стал благословлять народ. Потом он благословил в отдельности каждого, кто в прежние годы отличился перед общиной делами и трудами своими, кто не жалел своих сил ради народного блага, первым шел против врага и хранил оружие отточенным, и закончил молитвой, призывая бога заступиться за Хеви и не лишать его благодати своей.

На каждое его благословение и молитву народ откликался возгласами: «Аминь, да снизойдет на нас твоя благодать!» И эхо повторяло возгласы и уносило их далеко в горы.

Хевисбери закончил благословение и объявил народу о замыслах Нугзара Эристави.

– Велик и милостив бог, – говорил Гоча волнующейся толпе, – он не оставит нас. Чего надо от нас Нугзару Эристави, зачем он врывается в единую нашу семью? Мы признаем только одного царя нашего, царя всех грузин, и черными пусть будут дни того мохевца, который не принесет в жертву народу и дома своего, и детей своих!.. Мы служим нашим братьям, и так это и должно быть... Брат для брата – в беде! Но ожесточился Нугзар, войдя в силу, он обратил к нам ненасытные глаза свои и хочет натравить брата на брата, хочет истребить и мохевцев, и мтиульцев, чтобы господствовать над нами, владеть всеми нашими землями и всем нашим стадом. Что скажете, люди? Нелегко будет воевать с Нугзаром, да и мтиульцы, братья наши, забыли закон братства и идут против нас... Не покориться ли нам судьбе?

– Нет, нет, никогда! – возмутился народ.

Из толпы вышел юноша и поднял руку в знак того, что хочет говорить.

– Гоча! Зачем ты нас спрашиваешь? Хеви умеет быть верным в дружбе. Смерть тому, кто изменит другу и побратиму, позор на голову того, кто с изменой в сердце войдет в дом к соседу! И пусть сгинет тот мохевец, который захочет стать рабом!.. Нугзар кичится своими победами. Он думает, что и нас легко покорить. Мтиульцы, видно, забыли о дружбе, о хлебе и соли и хотят итти на нас... Умрем, но рабами не станем!

– Пойдем!.. Все, как один! Победим! – единодушно закричали в толпе.

К юноше подошел старик из толпы.

– Онисе! – сказал он ему. – Ты – достойный сын своего славного отца. Верно ты говоришь: доблестная смерть для храбреца лучше позорной жизни! Это так и должно быть, но мтиульцы – наши братья. Их совращает коварный Нугзар. Не попытаться ли нам повести мирные переговоры с ними.

Народ разделился надвое: одни настаивали на схватке с неприятелем, кто бы он ни был; другие стояли на том, что нельзя вступать в схватку без предварительной попытки образумить введенных в заблуждение соседей.

Долго волновался народ, но ни к какому решению не мог притти.

Тогда снова послышался священный перезвон колокольчиков и сразу наступила тишина.

– Старейшие, выходите на совет! – крикнул хевисбери Гоча. Выборные вышли из толпы и удалились в здание совета решать вместе с Гоча судьбу Хеви.

15

Недолго совещались старейшие: заранее было решено отстаивать свободу, хотя бы ценою жизни. Выбрали предводителей дружин, распределили людей, направили к мтиульцам вестников для переговоров, выражая этим волю народа. Хевисбери стал полновластным вождем. Распустив выборных, он велел готовиться к походу и через три дня собраться в Сионской долине, – здесь следовало задержать неприятеля.

Народ разошелся, а Гоча и сельские знаменосцы остались еще раз вознести молитву богу.

Онисе шел со своими сородичами, они расспрашивали его о жизни тушинцев и пшавов. Он же, всецело уйдя в радостные мысли о близкой встрече с Дзидзией, односложно и неохотно отвечал на их расспросы.

– Посмотри-ка, Онисе, – воскликнул вдруг один из его спутников, – вон женщины наши, словно отара овец, усеяли всю гору.

И он указал рукой на мохевских женщин, собиравших чернику и ежевику на солнечном склоне.

Желая отделаться от докучного собеседника, Онисе нехотя повернул голову и вдруг затрепетал весь, сердце забилося так бурно, что он едва на ногах удержался.

– Что с тобой? – тревожно спросил товарищ.

– Ничего! Ремень протер оборники, нога болит, – Онисе заковылял к камню, сел и стал разуваться.

– Дай, я помогу тебе, – предложил спутник.

– Нет, друг, я сам! – раздраженно оборвал Онисе, но, спохватившись, прибавил спокойней: – Солнце склонилось, ты ступай, не опаздывай! Я устал, отдохну немного...

Посмотрел на него мохевец, ничего не сказал и, нахлобучив шапку на глаза, двинулся дальше.

А Онисе свернул в щелчки, залег там в стороне от прохожих и стал следить за женщинами, собирающими ягоды.

Быстро разошелся народ; каждый торопился домой, чтобы успеть собраться к назначенному сроку.

Онисе в своей засаде был совсем близко от женщин; весело перекликались они, смеялись, пели песни.

Одна только Дзидзия не пела и не смеялась. Отойдя в сторонку, подальше от других, старательно собирала она ягоды. Чуждой всем и одинокой казалась она. С трепетом глядел Онисе на мохевскую девушку и чувствовал, знал, что из-за него одинока она и грустна. Он хотел позвать ее, крикнуть ей: «Здесь я, иди ко мне, я жду тебя, один только я могу вернуть тебе радость!» Но губы немели.

Женщины приближались к Онисе. Странное чувство овладело им: как будто вдохнули в него могучую силу.

Вдруг женщины повернули обратно. Онисе чуть не вскрикнул от радости, когда увидел, что Дзидзия отстала от других и идет прямо к нему.

Близ щелчка спустилась она к родничку. Поставила корзину на землю и, усевшись на камень, задумалась. Онисе затаил дыхание.

Вздохнула Дзидзия, глаза ее заволоклись слезами, и она тихонько запела грустную песню. Две крупные капли повисли росинками на ее длинных черных ресницах. Все больше набегало росинок, – Дзидзия беззвучно расплакалась.

Не выдержал Онисе, подкрался к ней.

– Милая, отчего ты плачешь? – прошептал он чуть слышно.

Дзидзия вздрогнула, обернулась и словно окаменела. Как замороженная, глядела она на Онисе, хотела что-то сказать и не могла.

– Скажи мне, милая, окажи... – Онисе опустился на колени, – почему ты сторонись меня, разве я не дружка твой?

Дзидзия встрепенулась, глаза ее сверкнули, бледные щеки зарделись, на губах заиграла легкая счастливая улыбка. Словно защищаясь, протянула она руки к Онисе.

– Онисе! Откуда ты?

Онисе, опираясь на руки, подполз ближе к Дзидзии. Он глядел на нее пламенными глазами. Нет, не сумел он убить свою страсть в долгой разлуке! Напрасной была вся борьба, – его дрожащие губы опять произносили одно только имя, и не было ничего на свете страшней и желанней этого слова.

– Дзидзия, Дзидзия!.. – без конца повторял он, вкладывая в этот призыв все сладкое безумие свое.

И сила этого зова покоряла ее, и гибкое ее тело клонилось к зовущему.

Вдруг ветерок сорвал платок с ее головы и бросил прядь ее черных вьющихся волос в лицо Онисе. Последние силы покинули их, и губы их слились в поцелуе.

Голоса женщин прервали их ласки. Чувство греха, – ведь дружка считается братом ново-брачной, – острой болью пронзило сердце Дзидзии. Стремительно оттолкнула она Онисе, вскочила на ноги и, не оглядываясь, побежала к подругам.

Вместе с ними прошла она по щебняку мимо него. С трепещущим сердцем глядел Онисе на ее лицо, которое впервые после свадьбы светилось радостью. Закинув голову, как газель, она гордо шла в толпе женщин.

Горько было Онисе, что так неожиданно покинула его Дзидзия, даже не сказав, где и когда можно увидеться с нею.

Женщины ушли. Поднялся и Онисе. Он сладко потянулся и гордо огляделся, почувствовав прилив какой-то новой, дотоле неведомой силы. Его любила Дзидзия, – весь мир принадлежал ему.

16

Дорога, ведущая из Грузии на север, минуя плоскогорье Самтверо ниже селения Коби, дальше изгибается кольцом, с трех сторон опоясывает крутую, голую Сионскую скалу. На самой вершине скалы возвышается замок, страж ущелья, наводящий страх на врага. Гора господствует над воротами ущелья, и подойти к нему можно лишь с Нарованокского перевала. Обильная богатыми пастбищами, с родниками и лесом, она самую природой воздвигнута, как неодолимое укрепление. В древности это место считалось одним из надежнейших оплотов Хеви. Замок окружала поляна с небольшими постройками из базальта и дикого камня, которые делали еще неприступнее эту природную крепость.

Здесь должны были собраться дружинники Хеви, чтобы разрушить коварные замыслы врага и сокрушить его.

Большое войско требовалось для защиты Хеви, и хевисбери приказал выйти на поле брани всем, кто способен держать в руках оружие. Нельзя было и женщинам сидеть сложа руки. Они должны были подвозить ополченцам сыр, масло, молоко с гор, где стояли дойные овцы. А хлеб каждый получал из своего дома.

Доставленные припасы складывались в одно место и распределялись поровну между всеми, хотя многие мохевцы не имели собственного стада.

Свинец привозили из Хде, селитру собирали тут же близ деревни Сиони, в пещерах, где ею была усыпана земля, как солью, а серу запасли заранее. Жгли горную березу – изготовляли порох.

Укрепили мохевцы также и лес Самтверо, расположенный близ Сиони. Если б судьба обернулась против них, дорого заплатил бы враг за свою победу.

В одну из темных ночей, когда человек собственного пальца не видит, какие-то люди приблизились к опушке Самтверо.

– Кто идет? Стой, если жизнь дорога! – послышался окрик, и ружейные дула уткнулись в неизвестных.

– Мы – слуги святой троицы!

– Куда идете?

– К Гоча.

– Откуда?

– Онисе, ты? – спросил один из неизвестных.

– Да, я! – всматриваясь в него, ответил Онисе. – Не узнал я тебя, Толика!.. Добро пожаловать!

– Где Гоча? Веди нас к нему поскорей!

– Идите за мной! – сказал Онисе, выступая вперед.

С нетерпением ожидал каждый мохевец возвращения Толика. Онисе тоже не терпелось узнать, с каким ответом вернулись посланные от прежде дружественных мтиульцев, но, чтя тайну поручения, он не решался расспрашивать их.

Посланные шли в глубоком молчании. Они знали, какой вред можно нанести общему делу неосторожно сказанным словом. Веками накапливалась у них осторожность, и никакие силы не могли заставить их выдать тайну.

Гоча поднялся навстречу пришедшим, приветствовал их, ввел к себе и усадил на деревянную тахту – свое походное ложе.

– Ты их проводил ко мне? – обратился он к Онисе, который ждал приказаний.

– Да, я!

– Хорошо, ступай к товарищам. Будьте бдительны! Никто не смеет проникнуть сюда!

– Мы на страже! – Онисе поклонился и вышел. Ничего не сказал больше Гоча, но он проводил сына таким любящим взглядом, таким суровым счастьем дышало его лицо, что каждый понял: для старика солнце восходит из-за плеч Онисе.

17

Пока мохевцы готовились к войне и укрепляли свои земли, Нугзар Эристави тоже не сидел сложа руки. Из всех сил старался он увеличить число своих союзников, чтобы с большим войском напасть на Хеви, одним ударом сломить его упорство. Он разослал гонцов во все стороны и ждал подкрепления.

Нугзар был испытанный воин, он не обольщался надеждой на легкую победу. Немало смущали его также ум и опытность вождя мохевцев – Гоча, чья слава далеко гремела в горах.

На заре прискакал Нугзар Эристави в стан мтиульцев. Высокий, статный, в кольчуге, опоясанный мечом с золотой рукоятью, казался он простым мтиульцам каким-то сказочным существом. Весь его облик – грубое лицо, толстые, чуть, оттопыренные губы, мясистый нос, широкие ноздри, маленькие глаза с дряблыми веками – изобличал в нем человека безжалостного, необузданного. Густые сросшиеся черные брови, пересеченные над переносицей угрюмой бороздой, придавали и без того суровому лицу его выражение жестокости, а морщины, расходящиеся от глазных орбит, говорили о том, что терпение не было его добродетелью.

Лагерь мтиульцев пришел в движение, старшие вышли навстречу с приветствиями.

– Да здравствует Нугзар-батони! Привет Нугзару!

Он отвечал горделивым, едва заметным кивком. Нугзар опустил на разостланную перед костром бурку.

Кольцом обступили его начальники мтиульских отрядов.

– Садитесь, хочу говорить с вами! – коротко приказал он.

Мтиульцы уселись. О чем хочет говорить с ними Эристави, чье могущество в те времена было велико, недаром опирался он на карталинских родственников своих.

– Эй, народ! – громко сказал Нугзар, и голос его зазвучал гневно. – Наши союзники отказали нам в помощи. И я клянусь именем ананурской божьей матери, что жестоко поплатятся они за этот отказ! Жизнь их станет горькой, солнце померкнет для них... Их поля зацветут в изобилии цветами, которые окрашу я их же кровью, в их стране будет меньше воронов, чем людей, мною одетых в платье скорби... Своими руками я вырву сердца их вождей и выпью кровь из них, и сердце мое обретет покой лишь тогда, когда мои руки почувствуют их предсмертные содрогания...

Нугзар умолк, глаза его злобно загорелись и налились кровью. Ропот негодования прошел среди мтиульцев.

– Но все это в будущем!.. А для мохевцев хватит и нас. Я только не хотел затягивать борьбу, хотел покончить с ними одним ударом. Но не велика беда: нам придется лишь не по одному, а по два раза взмахнуть мечом!.. Медлить нельзя, мы нынче же выступаем!

Нугзар ожидал одобрительных кликов, но люди хранили глубокое молчание. Он изумленно огляделся, лицо побагровело от злости.

– Это что значит? Измена? Страх?... Бабы трусливые!.. Кто смеет противиться моей воле, кто не пойдет за мной? – он отошел в сторону, хищно всматриваясь в толпу.

– Я, мой господин!.. Я не пойду. – Один из главарей, гордо выпрямившись, встал перед Эристави.

Нугзар вспыхнул, схватился за меч, но опомнился.

– Ты?... Это говоришь ты?... Ну, что ж!.. Ты никогда не был храбрецом, твое дело – сидеть с бабами у огня. Ступай домой, не место тебе на поле брани... Тебя в отряде заменит другой, и уж он-то, поверь, будет храбрее тебя.

Мтиулец терпеливо выслушал Эристави, и только голос его едва заметно дрожал, когда он заговорил:

– Наши жизни поручены тебе, Нугзар, волею царя, имя царя охраняет и тебя самого. Мтиулец не пойдет против царя Грузии. Зачем же ты оскорбляешь меня? Никто из нас не пойдет за тобой! Нам нечего делить с мохевцами. Разве не правда, люди? – обратился мтиулец к другим.

– Правда, правда, тому порукой Ломиси! – загудел народ.

Нугзар смутился. Этого он не ожидал. Сдержав свой гнев, он спросил спокойно:

– Зачем же тогда вы дали мне слово, обещали мне?

– Ты говорил нам, что хочешь итти против тех, кто противится нашему царю. Ты солгал нам, сказал, что мохевцы дружат с нашими врагами. Вот почему мы обещали тебе.

– Кто вам сказал, что это – ложь? – крикнул Нугзар. Он хотел узнать имя изменника, чтобы примерно наказать его.

– Они, сами они сказали нам!

– И вы поверили! – злобно расхохотался Нугзар.

– А почему им не верить?

– А потому, что испугались они вас и решили отделаться от вас.

– Неправда! Неправда! – закричали все в один голос.

Нугзар посинел от злости, не привык он к таким ответам, но посмотрел на возмущенную толпу и снова сдержался.

– Значит, вы им поверили?

– Да, поверили! Именем Ломиси клянемся! Поверили, потому что от них были посланцы... Они зарок дали... Они не изменят зароку, – не так ли?

– Нет, не могут изменить!.. Пошли!.. Разойдемся по своим домам!.. – кричали мтиульцы, повскакав с мест и снимаясь со стоянок.

Не скоро замолк шум их возбужденных голосов. Но вот и последние из мтиульцев скрылись за горкой. На опустевшей поляне остался один Нугзар Эристави, оцепеневший в мрачной задумчивости. Вдруг он вскинул голову и, грозя пальцем в пустое пространство, гневно произнес:

– Можете растоптать меня своими ногами, если я не отомщу вам за сегодняшний день!..

18

У ворот Трусинского ущелья, где Терек, вырываясь из теснины, катится по широкой Кобийской долине, за околицей окраинного осетинского села Окроканы шумно веселилась небольшая толпа народа. Пели, смеялись, плясали, но видно было, что люди собрались не на праздник: все вооружены с головы до ног, и ни одной женщины среди них. Поодаль оседланные кони ржали, нетерпеливо ударяя копытами в землю.

Над вьющейся вдоль Трусинского ущелья тропинкой поднялись и заколыхались столбы пыли, все приближаясь к собравшимся. Скакали верховые, но выступы скал пока еще скрывали их. Вскоре над краем отвесной скалы внезапно появились всадники, – словно из-под земли выросли. Там, где они появились, тропинка была так узка, что казалось: кони вот-вот сорвутся со скалы. Очертания всадников были вычеканены на синем краешке неба. Но, появившись внезапно, они так же внезапно исчезли за новым выступом скалы, словно земля, породив их на миг, тотчас же увлекла обратно в недра свои.

Всадников узнали.

– Нугзар едет! – радостно закричали собравшиеся.

Да, это Нугзар гнал коня к ордам преданных ему осетин, с которыми должны были здесь соединиться мтиульские отряды, чтобы вместе двинуться на Хеви.

Осетинам давно уже хотелось сокрушить маленькое грузинское племя, вонзающееся клином между ними и кистинами и мешающее их безнаказанным набегам на Грузию, давно уже хотелось раздавить этот маленький народ, со всех сторон окруженный врагами и все же самоотверженно защищающий ворота Грузии и потрясающий острым мечом своим направо и налево во славу отчизны.

Поэтому и приняли осетины предложение Нугзара Эристави; поэтому искренно радовались прибытию Нугзара. Одно только изумляло их: где же люди Нугзара? Им было невдомек, что мтиульцы, перевалив прямо через Ломиси, миновали окроканских осетин.

– Верно, дружина следом идет. Сам вперед поскакал – поход объявить! – говорили в толпе.

Осетинские вожди, вскочив на коней, полетели навстречу Нугзару, который только что выехал из-за последнего выступа скалы на широкую дорогу.

Кони столкнулись грудь с грудью, и только тогда осадили их всадники с такой силой, что у них подогнулись задние ноги.

– Доброй дороги! – крикнул Нугзар.

– Доброй дороги и вам! – ответили осетины.

– Ну как? Все ли собрались?

– Все до единого, господин! Все готовы служить тебе!

Выражение удовольствия мелькнуло на лице Нугзара, но тотчас же исчезло.

– Спасибо, спасибо, мой Навруз! – пробормотал он. Тяжелое раздумье легло на его лицо.

Он знал, что противники ждут поддержки от мтиульцев, если же сказать им правду, нелегко будет удержать здесь жителей Трусинского ущелья. Поэтому высокомерный Нугзар молчал в замешательстве.

– Чуть не позабыл, мой господин, сообщить вам... – начал Навруз.

– О чем? В чем дело? – нетерпеливо перебил его Нугзар.

– Вернулся посланный от лезгин.

– Какой ответ принес он?

– Нынче же ночью лезгины перевалят к нам через горы.

– А правду ли они говорят? Не обманут? – недоверчиво спросил Нугзар. Но тотчас же спохватился. – Теперь я знаю, как с ними поступить! – мрачно процедил он сквозь зубы.

И с этого мгновенья переменился Нугзар: голос его, прежде вкрадчивый и неуверенный, снова зазвучал властно и строго.

– Едем, – и завтра померкнет солнце мохевцев! – С этими словами выпрямился он в седле и стегнул коня нагайкой. Конь заиграл, загарцевал под ним. И вскоре обычным своим повелительным голосом Нугзар отдавал приказания в лагере Окроканы.

19

Передвижения Нугзара Эристави были известны мохевцам. Разведчики, отважно проникавшие во вражеские войска, следили за их расположением; да и осетины не умели держать язык за зубами и за моток шерсти охотно продавали любую тайну.

И вот однажды тихим вечером, на закате, Гоча собрал своих людей и, благословив их, сказал:

– Люди общин! Мтиульцы отложились от Нугзара Эристави, но войны нам не избежать. К Нугзару примкнули лезгины. Не хочу скрывать от вас, что борьба предстоит жестокая. Многим матерям суждено облечься в одежду скорби, многие из наших сынов не вернуться домой, потому что Нугзар жесток и кровожаден. Трудное дело предстоит нам, но чем труднее победа, тем драгоценней она! Пускай на каждого из нас придется десять врагов, – победа все же будет за нами, потому что мы правы перед богом и людьми. К нам врываются они в дом, нам несут разорение, наших женщин грозятся обесчестить, и клянусь вам: великое блаженство – принять смерть в борьбе против подобного зла!.. Кто из вас удачлив, у кого бьется в груди мужественное сердце, у кого неукротимая сила в руках? Все за одного, и один за всех! Позор тому, кто трусливо побежит от врага, подступившего к порогу дома, тому, кто побоится смерти!.. Проклятие изменнику!

– Аминь! – загудела толпа, и горы повторили клятву. Народ глухо шумел. Слезы затуманили глаза Гоча.

– Хорошо вам, молоды вы, сила и ловкость в ваших руках. Будете биться с врагом! Слава защитникам правого дела!

Все собрались в круг под стенами храма, где на кострах в медных чанах варилась убоина, чтобы пожелать друг другу счастья за общей трапезой и проститься. Кто знает, чье солнце померкнет завтра, чьи очи закроются, чья мать будет лить горячие слезы?

20

Сумерки спускались; медленно угасал день. Последние лучи солнца печально прощались с горными вершинами. Туман выползал из земли и стлался мглой по зелени луга. В деревне Сиони ударил колокол, давая знак ночной страже встать на дозор. В сыром и влажно-отяжелевшем воздухе колокольный звон разносился как-то особенно скорбно. Мохевская охрана была сегодня тревожна, печать заботы лежала у всех на лицах. Обостренный слух ловил каждый шорох. Этой ночью ждали нападения нугзаровых орд, и все настороженно готовились к отпору.

Кто-то тихо приоткрыл дверь в комнату Гоча и замер на пороге. Старик с обнаженной головой стоял перед маленьким распятием и жарко молился. Его обычно гладкие волосы буйно вздымались на высоко закинутой голове. На шее, под сморщенной старческой кожей, напряженно вздувались вены. Всеми помыслами своими он погружен был в молитву.

Вошедший не посмел нарушить священную тишину. Он сам опустился на колени и вдруг расслышал свое имя в молитвенном шепоте старика. «Боже, дай с честью прожить моему Онисе!» Онисе вздрогнул. Старик обернулся, подошел к нему и, положив руки ему на голову, взволнованно повторил:

– Боже, дай с честью прожить моему сыну!.. Отврати от него позор... Отними у него жизнь раньше, чем с головы его сорвут шапку – достоинство мужчины!

Две слезы скатились с исхудалых щек старика. Он торопливо вытер их и опасливо огляделся, словно боясь, не заметил ли кто-нибудь его слабости. Не выдержал Онисе, слезы навернулись на глаза. Понял он, как сильно любит его отец; что станет с ним, если сыну будет грозить опасность? А между тем опасность стоит у него за спиной! Завтра, в лучах восходящего солнца, сверкнет острое клинка и со свистом вонзится... в кого? На чьем лице застынет последняя улыбка?

– Отчего ты плачешь, отец?

– Кто знает, сын мой, что ожидает тебя завтра! – прошептал старик.

– Что может меня ожидать? Прогоним врага и заживем мирно!

– Да будет так, – сказал старик, обнимая сына. – Иди, Онисе, пора, да хранит тебя бог! Знай, если ждет тебя смерть, на то воля господня. Сумей умереть с честью, с отвагой, так, чтобы Хеви не стыдно было хоронить тебя.

– Сам увидишь, отец!

– Помни, что защищаешь землю, где родились и жили твои предки, где покоятся их кости, и не уступай в храбрости им!.. И они немало сил положили на защиту отчизны своей, священной их кровью до самой сердцевины пропитана земля. Теперь – ваш черед... Ну, довольно, иди!.. – голос старика оборвался.

Онисе повернулся и быстро вышел. Отец проводил его глазами. Потом провел рукой по лбу.

– Пора к своим, к дружине!

21

Онисе спешил в Наровани, где ему приказано было охранять дорогу, следить за врагом, чтобы вовремя сообщить о его приближении.

Он шел крадущимся шагом и вдруг далеко позади себя услышал шорох и хруст камней. Как тигр, отскочил он бесшумно в сторону и, спрятавшись за скалой, стал поджидать идущих.

Вскоре на тропинке показались двое – мужчина и женщина. Впереди семенил навьюченный ослик. Должно быть, пастухи, везущие сыр для ополченцев.

Убедившись, что это свои, Онисе хотел выйти из засады, как вдруг услышал свое имя. Он затаил дыхание.

Путники говорили громко. Голоса их звучали сердито.

Поравнявшись с Онисе, они присели на камень отдохнуть.

– Послушай, – говорил мужчина, – клянусь, не могу дольше терпеть!.. Истаял я совсем, а сердце твое все не смягчается.

– Что же мне делать, если не люблю тебя?

– Долго терпел я, и вот... море бы высохло от жара души моей... Лучше б умер я, дорогу тебе расчистил...

– Почему не оставишь меня в покое? Чего тебе надо от меня? Не могу я полюбить тебя.

– Как мне оставить тебя, ты ведь жена моя! И шапка на мне, и у меня честь мужская...

– Так что же мне делать с тобой?

– Что? Женой моей быть!

– Будет тебе, парень, побойся бога! Сказала, что не люблю, тебя, и все!

Мужчина умолк и поник головой. Но вскоре заговорил опять, и в голосе его зазвучала угроза.

– Смотри, жена!.. Ты хоть себя пожалей, если я не дорог тебе!..

– Себя жалеть? Зачем? Убьешь меня – успокоится мое сердце...

– Значит, не бывать этому? Никогда не полюбишь меня?

– Нет!

Мужчина схватился за рукоятку кинжала.

– Значит, ты хочешь быть с ним?... И ты думаешь, что я уступлю, отдам тебя ему? Богом клянусь, убью и тебя, и его, и сам вместе с вами умру, но радости с тобой не дам никому!

– Вот я, убей меня!.. Зачем другим грозить? Он-то чем виноват?

Мужчина вскочил.

– Значит, умереть хочешь?... Хорошо, я тебя убью, но прежде принесу тебе отрубленную голову Онисе...

С этими словами метнулся он в сторону от тропинки и, не разбирая пути, кинулся вниз, к лагерю мохевцев. Женщина закричала, побежала вслед за мужчиной и стала звать его с тоскующей мольбой в голосе:

– Гугуа, Гугуа!.. Не губи меня, не делай этого!.. Горе, горе мне! О-ох!

С воплем подбежала женщина к отвесному краю утеса, но не успела она броситься вниз: кто-то схватил ее за плечи и обнял.

Женщина обернулась и, слабо вскрикнув: «Онисе!», упала на грудь любимому.

22

Полночь миновала. Полный месяц сиял на чистом небе и струил белый свет на окрестные горы.

Онисе и Дзидзия все еще сидели, покоренные страстью, забыв обо всем на свете. Лунные отсветы мягко трепетали на побледневшем лице Дзидзии. Онисе брал ее голову в обе руки и, повернув к небесному светилу, глядел, не отрываясь глядел на милые ее черты или вдруг в яростном порыве принимался целовать и обнимать ее. От каждого прикосновения трепетали они, как ивовые листья, и сладко бились и таяли их сердца. Оба забыли, где они, кто они, и лишь одна жажда – слиться, слиться навек! – владела ими.

Вдруг где-то неподалеку раздался выстрел, и они вскочили на ноги.

Рассеялся туман блаженного самозабвения. Только теперь вспомнил Онисе о долге своем; страшная правда клещами схватила его сердце. Перед его глазами возник образ молящегося Гоча, слова отцовского благословения зазвучали в ушах... Грозное видение предстало перед ним: там, внизу, избивают товарищей его, беспечно опавших в надежде, что он их охраняет.

Между тем стрельба в долине участилась. Там сверкали ружейные дула, и длинные огненные языки, с гулом вылетающие из них, повергали ниц храбрецов с львиными сердцами и гасили их жизни.

Онисе взглянул на Дзидзию, сердце его вскипело, злая мысль метнулась в обезумевшей голове: «Колдовски заморозила меня, колдовски погубила!.. Прощай моя честь!» И он кинулся вниз в ущелье, – погибнуть вместе с товарищами, жизнью заплатить за свое мгновенное счастье. Но было уже поздно: враг занял их укрепленную траншею, и вражье знамя развевалось над трупами товарищей Онисе.

23

Онисе бежал вниз в беспамятстве, ничего не сознавая.

Неприятель истребил почти всех защитников первой траншеи. Много храбрецов погибло бесславно, не испытав себя в бою, не померившись силой и храбростью с врагом. И виноват в этом он, Онисе! Раскаяние когтило его сердце, безжалостно терзало его.

Он бежал, как одержимый; растрепанные волосы развевались, одежда была изодрана, мутный взгляд беспокойно блуждал, вихрь мыслей гудел в воспаленном мозгу.

Он бежал навстречу врагам. Умереть!.. Умереть от той же руки, что лишила жизни его товарищей, от удара копья, окрашенного невинной кровью его соседей!

Вот уже близко луг, где победители, возвращаясь в свой лагерь, с веселыми кликами попирают ногами трупы доблестных защитников родины. Вдруг какие-то люди остановили Онисе. Уцелевшие мохевцы из разбитого отряда.

– Стой, ты кто? – и ружья уткнулись ему в грудь.

– Кто я? – дрожа от злости, переспросил Онисе. – Стреляйте в меня, убейте!.. Сделайте доброе дело!

– Ба, Онисе, ты? – воскликнул один из мохевцев, и все опустили ружья.

– Слава господу, что хоть ты остался жив, – прибавил другой.

Онисе скорбно взглянул на говорящего; но вдруг глаза его сверкнули гневом: он подумал, что ополченец знает о его позоре и издевается над ним, и пламя стыда и бешенства охватило его.

– Убейте меня, я достоин смерти!.. – закричал он. – Не надо меня щадить! Или вы ослепли и не видите, что я, мужчина, плачу, как баба!..

Мохевцы смотрели на него с удивлением.

– Так, значит, вам не жаль меня?... Хотите, чтобы вечно терзал меня стыд? Не будет этого... Онисе не станет жить опозоренным, на радость врагам! Вижу, вы радуетесь, радуетесь? – Онисе горько заплакал и кинулся обратно к вражескому лагерю.

Сперва мохевцы растерялись, но скоро опомнились, догнали, остановили его.

– Куда ты? Что ты задумал, несчастный?... Разума лишился? – кричали они на него, а он изо всех сил старался вырваться из их рук.

– Чего вам надо от меня? Почему не пускаете? Я хочу, чтобы меня изрезали на куски, те самые руки, которые зарубили товарищей моих... Ах, так? Тогда я сам сумею казнить себя! – Онисе выхватил пистолет. Но один из мохевцев ударил его по руке и выбил оружие.

Мохевцы решили, что Онисе не вынес гибели своих товарищей и потерял рассудок. Ничем не могли они помочь ему, только обезоружили его, связали ему руки и насильно повели с собой.

– Безжалостные, чего вам надо от меня? – горестно восклицал Онисе, и горькие слезы бессилия текли по его лицу. – Почему вы не дали мне умереть?... Какая вам прибыль от моего позора? – твердил он непрестанно.

Но никто больше не слушал его. Опасность нависла над ними, и они спешили туда, где Гоча укрепился с оставшимися отрядами.

24

Шли они порознь, по двое, по трое, сжав губы, сдвинув брови, молчали, и лишь глаза горели недобрым огнем.

Тяжко им приходилось: даже с врагами не успели сразиться и теперь должны были либо сдаться им, либо бежать от них трусливо тайком, либо подставить им свои шеи, чтобы кровавый Нугзар перерезал их всех до одного, как баранов.

Они жаждали боя, а им не пришлось сделать ни одного выстрела; ночью напали на них, подкрались к спящим – и кто знает, сколько юношей, достойных быть воспетыми в стихах, опора общин, гордость друзей и соседей, погибло бесславно!

А что ждет уцелевших? Всенародный позор, потому что в горах смеются над оплошностью, а поражение считают несчастьем. Неосмотрительных презирают, глумятся над ними, погибшим сочувствуют, жалеют их.

Ошеломленные своим поражением, еще не успели мохевцы подумать о том, как могли нугзаровы орды подкрасться к ним не замеченными даже охраной.

Одно только утешение было у них: вели они троих людей со связанными руками, троих людей, заподозренных в том, что они указали путь отрядам Нугзара. Двое из них были осетины, однажды убежавшие от своих и нашедшие приют в Хеви. Эти двое могли стать шпионами. Но третий был мохевец, и это накладывало клеймо бесчестия на все Хеви. От стыда разрывались их сердца.

Обессиленный, опустошенный душевно, шел с ними Онисе, не смея смотреть никому в глаза.

– Онисе, тебя тоже задержали? – окликнул его кто-то. Он поднял глаза и замер от удивления.

Перед ним стоял Гугуа, бледный, дрожащий.

– Гугуа! – с усилием произнес Онисе, вопросительно глядя на его связанные руки.

– Меня обвиняют в измене, – глухо проговорил Гугуа и сплюнул с презрением и злостью.

Слишком хорошо знал Онисе этого человека, чтобы поверить в его измену. Помнил он также, зачем побежал Гугуа к лагерю мохевцев: только затем, чтобы найти Онисе и убить его.

«А что, если?...» – подумалось вдруг ему. – «Гугуа ненавидит меня и, зная, что в эту ночь я стою на страже, он мог стать изменником, чтобы мне отомстить...» – Онисе нахмурился и скрипнул зубами.

– Что же ты молчишь?

– О чем нам говорить?

– Так тебе не о чем говорить со мною? – с горечью воскликнул Гугуа. – Ладно, буду и я молчать... Благодарю бога, что нечем мне оправдаться, а то, клянусь святыми, не уйти бы тебе от мести моей, недолго бы позволил я тебе глядеть на небо... А теперь настал твой день! Распустился твой цветок, засияло твое солнце... На то, видно, воля божья: пусть сияет оно!.. О жизни не жалею, об одном только горюю, что в глазах всех я изменник, что клеймо предателя на мне...

Гугуа умолк. Угрюмо опустил он голову, словно непомерная тяжесть легла ему на плечи и согнула его. Он глубоко вздохнул и отошел от Онисе.

25

Еще день не успел расстаться с ночью, когда грозное волнение охватило все стоявшее в Сионской крепости войско Хеви. Воины узнали о беде, постигшей защитников передней траншеи. Все, как один, они возбужденно требовали мести.

– Мести, мести требуем за кровь братьев наших! – кричало войско.

Один только Гоча хранил спокойствие. Он неустанно раздумывал над происшествием. Не мог он понять, как случилось, что неприятель прошел незамеченным, когда охрана траншеи была поручена его сыну, вернейшему из верных.

– Рассказывайте, говорите скорей, как было дело? – торопил Гоча вернувшихся мохевцев.

– А так было, что эти вот два осетина перебежали врагам и провели их в нашу траншею. Мохевец умолк.

– А еще? Больше никого не было с ними? – тревожно опросил Гоча.

– Эх, хорошо бы, если б не было!..

– А кто еще? – сверкнул глазами Гоча.

Мохевец молчал. Трудно было ему назвать имя предателя.

– Кто же? – крикнул Гоча.

– Гугуа.

– Кто? Что ты сказал? – переспросил хриплым голосом Гоча, надеясь, что ослышался.

– Гугуа! – повторил мохевец.

Тяжко было Гоча услышать имя своего соседа; ведь он, Гоча, – духовный пастырь общины, к которой принадлежал и Гугуа. Он в ответе за нравственное состояние каждого члена общины.

– Боже, чем же мы прогневили тебя, что ты покрыл нас позором, что брат изменил брату! – с глубоким вздохом произнес старец.

Позорный поступок горца мог внести смуту в боевые ряды.

Долго молчал старик. Непрестанно менялось его подвижное лицо, отражая неутомимую работу мысли.

Вот провел он рукой по лбу, и задумчивость на его лице сменилась каким-то робким, неуверенно-вопросительным выражением. Единственный сын Гоча был с ними. Почему же вестник ничего не говорит о нем? Или жаль ему несчастного отца? Если погиб, почему не утешить родителя хотя бы вестью о том, какую отважную смерть принял сын? Не выдержал старик и, испытующе глядя на ратника, спросил его тихое.

– А где Онисе? Почему не расскажешь о нем?

– Онисе, бедняга!.. Чуть было не помешался он... Если б не мы, погубил бы себя безрассудно.

Тяжесть свалилась с плеч Гоча. Сын его жив и вел себя доблестно.

– А где он теперь?

– Успокоился немного и остался с товарищами, – ответил ратник. – Он так убит горем, что ножом не разомкнуть ему рта!

– Ступайте, скажите товарищам, чтобы получше следили за преступниками... Мы же помянем бога и пойдем мстить за братьев наших! – торжественно произнес Гоча и вышел во двор, где шумел и волновался народ, с нетерпением ожидая часа выступления в поход.

26

Дружина Хеви разделилась на три отряда, и каждый отряд пустился в путь под предводительством своего вождя. Решено было с трех сторон напасть на занятую врагом траншею и отбить ее. От этого боя зависели жизнь и судьба Хеви.

Воины шли улыбаясь. Каждый знал, что исполняет свой священный долг, и пусть даже смерть подстерегает его, – слава храбрых надолго останется в народе и разнесется далеко в горах. Мечь разжигала жажду боя.

Онисе шел среди ратников мрачный и подавленный. Храбрый и самоотверженный от природы, был он сейчас вдвойне бесстрашен, готов был искупить тяжкую вину свою хотя бы ценою жизни.

Небольшому отряду под его предводительством было приказано бесшумно напасть на передовую стражу неприятеля, забрать ее в плен или истребить, но так, чтобы об этом не узнали главные силы врага и не успели приготовиться к встрече мохевцев.

Онисе шел во главе своего маленького отряда, полный решимости выполнить приказ. За ним гуськом следовали остальные, шагая по тропинке с величайшей осторожностью, стараясь ступать по следам Онисе. Требовалась большая осмотрительность и ловкость, чтобы, не задевая камней, бесшумно продвигаться в темноте. Мохевцы, обутые в мягкие чевяки из разноцветного сафьяна с такими же подошвами, беззвучно крались, ощупывая ногами каждую пядь дороги. Вдруг Онисе остановился и лег на землю. Мгновенно и другие прижались к земле, бесшумно вынув кинжалы из ножен.

Вскоре впереди показался отряд в пять человек, шедший так же осторожно, в полном молчании. Когда последний из отряда поравнялся с Онисе, тот вскочил на ноги, остальные тоже повскакали, и, мгновение спустя, осетины, высланные на разведку, уже боролись со смертью, истекая кровью.

Все это случилось так быстро, что осетины даже крикнуть не успели.

Покончив с ними, мохевцы продолжали свой путь и на рассвете подошли к неприятельскому лагерю. Укрывшись в засаде, стали они дожидаться остальных. Нерушимое спокойствие царило во вражеском лагере. Гордые легкой победой, осетины безмятежно отдыхали, надеясь на бдительность своей стражи. Нугзар Эристави был уверен, что мохевцы, напуганные первым поражением, пришлют военачальников просить о мире. Не думал он, что горсточка мохевцев посмеет продолжать с ним борьбу, тем более, что войско его пополнилось искусными и хорошо вооруженными лезгинами.

С трех сторон обошли мохевцы вражеский лагерь. Раздался выстрел – знак начала атаки.

От внезапности нападения смешались войска Нугзара, воины пришли в замешательство, и мохевцы безжалостно изрубили их, не дав им опомниться.

Онисе носился по полю брани, опьяненный схваткой, и быстро погасал свет солнца в очах того, кого настигал его меч. Всюду врываясь в гущу боя, тщетно искал он смерти, но оставался невредимым, как заколдованный.

Бесстрашие и храбрость его изумляли всех.

Сам Нугзар, окруженный надежными лезгинскими молодцами, бился храбро, показывая пример бесстрашия; но жители Трусинского ущелья бежали после первой же атаки.

На гребне холма появился Гоча верхом на коне. Ветер взметал его седые волосы. Верховное знамя, знамя надежды, развевалось в его руках, и золотой крест, прикрепленный к древку, ослепительно сверкал в косых лучах солнца.

Важно, горделиво ступал статный конь, словно чуя, что несет на своей спине избранника народного.

Старик пришпорил коня и полетел к нугзарову отряду.

– За мной, молодцы, у кого храброе сердце в груди! – крикнул Гоча, и ратники тесным кольцом обхватили Нугзара.

Все скрылось в за клубившейся пыли, – словно свет солнца померк. Вдруг наступила зловещая тишина: слышались только глухие стоны, лязг оружия, скрежет зубов.

Ветер временами развеивал пыль, и тогда видно было, что все так же гордо взмывает к небу стяг в твердых руках Гоча, вселяя в воинов стальную отвагу. Вдруг разомкнулся человеческий клубок, качнулся в сторону, и снова бранные вскрики и вопли огласили поле.

Рассеялась пыль, и на том месте, где только что сражались храбрецы, полные жизни и пламенной юности, выросла гора изрубленных трупов. Посредине стоял Гоча, бледный и печальный, возведя к небу скорбный взгляд. Густая пыль вилась вдали, над дорогой, по которой, погоня коня, убегал Нугзар Эристави с немногими воинами, уцелевшими после страшной битвы.

27

Кончился бой.

Народ утих. Погибших похоронили. Но люди не расходились, хотя Нугзар Эристави был уже далеко.

У подножия холма, на краю поляны, полукругом огороженной булыжниками, собрались старшины хевских сел со своими знаменами. Был среди них и хевисбери Гоча. Все молчали, низко опустив головы. За каменным полукругом волновался народ. Не одна лишь печаль о погибших товарищах была начертана на лицах. Какая-то новая беда сторожила Хеви.

Гоча поднял голову и взгляделся в толпу. Взгляд его встретился со взглядом Онисе, который быстро опустил глаза. Опустил глаза и Гоча. Тихим, но твердым голосом он произнес:

– Приведите виновных!

Народ расступился, и перед судьями, избранниками Хеви, предстали два осетина и Гугуа.

– Развяжите руки, – приказал хевисбери.

Гоча сел на камень, сжал голову ладонями, локтями уперся в колени и весь обратился в слух.

Вышел вперед старейший из старшин общины – теми и, опустившись на колени, обратился к народу:

– Люди общин! К вам мое слово, слушайте меня!.. Вот стоят перед вами два осетина. Шесть лет тому назад пришли они в нашу общину. Вызвав сочувствие наше к своей беде, они рассказали нам, что убили человека, что их преследуют и нельзя им оставаться на родине. Поистине, дурное дело – убить человека, но бывает и так, что в беде человек даже на самого себя накладывает руки. Они, несчастные, просили пристанища и куска хлеба у Хеви... В Хеви не принято скрываться от гостя, принято у нас призреть, приютить просящего. И Хеви приютил их, выстроил им дома, отвел им поля, назвал их братьями своими и дал им спокойную жизнь. Чем же отплатили они нам?... Нашим врагам они указали дорогу к нам, они помогли им неожиданно напасть на нас, чтобы предательски погубить тех, кто протянул им руки в беде! Что вы скажете на это, люди?... Я рассказал вам обо всем, потому что нелегко убить человека...

Старик замолк, поклонился на четыре стороны и снова занял свое место.

– Говорите, оправдывайтесь, если можете! – сказал осетинам Гоча.

Народ смотрел, затаив дыхание. Осетинам нечем было оправдаться. Оба бросились на колени и, рыдая, просили прощения. Но судьбы были глухи к их мольбам. Они подошли к Гоча и, посоветовавшись с ним, возвратились на свои места. И в наступившей тишине раздался суровый голос Гоча:

– Оба должны быть побиты камнями!

Народ зашумел. Лица осужденных мертвенно побледнели. Один из преступников подполз на коленях к Гоча, продолжавшему неподвижно сидеть в глубокой задумчивости.

– Гоча, смилуйся! – воскликнул он. – Спаси – и я стану рабом твоим!

– Ты будешь побит камнями! – все так же сурово повторил хевисбери.

– Так, значит, меня побьют камнями, я умру! – Осужденный вскочил на ноги. – Пусть я умру, но и ты жить не будешь!

В руках его блеснул кинжал, который он прятал под чохой. Мгновенно сомкнулась толпа, завертелся людской клубок. И когда клубок разомкнулся, Гоча все так же неподвижно сидел на камне и только глядел с отвращением на то место, где валялись трупы побитых камнями предателей.

28

Убрали трупы казненных.

– Приведите Гугуа! – все тем же тихим голосом произнес Гоча.

Люди подтолкнули Гугуа поближе к хевисбери. Покачнулся Гугуа, чуть было не упал, но удержался на ногах. Молча стоял он с застывшим, затуманенным взглядом.

Народ волновался, угрожая изменнику.

И снова выступил вперед один из старейших теми и произнес обвинение. Многие видели, как бежал Гугуа впереди наступающего вражеского отряда. Ясно, что он был проводником у Нугзара.

– Оправдывайся, если можешь, – сказал Гоча.

Гугуа глубоко вздохнул. Он обвел глазами затихшую толпу. Взгляд его упал на Онисе, – тот стоял, словно окаменевший. У Гугуа сверкнули глаза, лицо побагровело, он метнулся к Онисе, но остановился и, потеряв равновесие, чуть не упал. И снова безжизненно повернулся к судьям. И вдруг сорвал с головы, шапку, которая словно жгла его, с силой швырнул ее на землю.

– Говори, если есть, о чем говорить! – повторил Гоча дрожащим, словно надорванным голосом.

– Что мне говорить? О чем рассказать вам?... – с горечью воскликнул Гугуа. – Богу ведомо, что не виновен я, но вы видели, как я бежал впереди врага, и кто мне может поверить?... К чему меня мучить, зачем заставлять говорить?... Убейте меня! И вам будет спокойней, и мне!

– Юноша, не трудно умирать мохевцу, – после короткого молчания произнес Гоча, и в голосе его зазвучала ласка. – Но сердце не хочет мириться с тем, что сын нашей родины, вскормленный грудью Хеви, мог изменить своим братьям, мог продать товарищей своих, мог сотрясти нашу землю и низвергнуть на нее небеса!.. Сердце будет стонать вечно, печаль наша станет неизбывной, туман навсегда закроет нас, если мы в тебе признаем изменника братьям своим! – скорбно закончил хевисбери.

Сердце Гугуа смягчилось от этих слов, – отеческая тревога слышалась в них, – и Гугуа от всего сердца захотелось убедить этого правдивого человека в своей правоте, в том, что он не предатель.

– Богом клянусь, Гоча, клянусь юношеской честью моей, твоим именем клянусь, что я не виновен, но оправдаться мне нечем, и потому я должен быть казнен, должен умереть.

– Как очутился ты в стане врагов?

– Как?... Ты хочешь, чтобы я рассказал обо всем?... Не надо, Гоча, оставь меня в покое. Ты видишь, трудно мне говорить... Ты всегда был добр ко всем, зачем же нынче ты терзаешь меня?...

– И моя душа не спокойна, Гугуа! Ты сам видишь... Каждое слово, каждый вопрос и меня ранят, как стрела, но долг перед теми велик и одинаков и для тебя, и для меня... Говори правдиво обо всем.

– Хорошо, я буду говорить! – воскликнул Гугуа и обернулся в ту сторону, где стоял Онисе.

От непомерного напряжения лицо несчастного Онисе исказилось страшной гримасой, он весь согнулся, как под непосильной ношей. Снова замолчал Гугуа, сдержав себя, и обратился к судьям:

– Выслушайте меня!.. Я не боюсь смерти... Если вы не казните меня, все равно я не останусь жить. Для чего мне жизнь, опозоренная однажды!.. Так выслушайте же меня... Я буду говорить только правду... Я шел с гор и, когда спустился вниз, столкнулся лицом к лицу с

наступающим врагом... Тут я повернулся и пустился бежать к нашим траншеям, чтобы предупредить своих, но враги гнались за мною по пятам, я не успел добежать... Они не стреляли в меня, чтобы выстрелом не всполошить нашей охраны и не выдать себя, а у моего проклятого ружья сломался курок... И вот – наши видели меня, как бежал я впереди врага, и назвали меня предателем... Пусть расступится земля и поглотит меня, если я говорю неправду!

– Зачем ты ходил в горы? – спросил один из судей.

– По делу ходил.

– Ты был один? Гугуа молчал.

– Один был? – переспросил судья.

Гугуа боролся с собою. Не хотел он произносить имени той, которую продолжал любить больше всех на свете, не хотел делать ее мишенью пересудов и сплетен.

– Что в том, один я был или нет? – заговорил наконец Гугуа. – Вы хотели узнать, не предал ли я вас... Я говорю вам: нет, не предавал, – бог тому свидетель! Никогда в моем сердце не рождалось ничего похожего, нет в нем ничего враждебного вам!.. А больше не спрашивайте меня ни о чем, ответы мои не спасут меня, а только отравят мне последние минуты!

Гугуа замолк. Он скрестил руки на груди и не отвечал больше ни на один вопрос. Тяжелым камнем ложилось на плечи Онисе его молчание.

В глубокой тишине ждал народ решения старейшин.

Долго совещались судьи, окружив Гоча тесным кольцом. Наконец расступился их круг. Все вернулись на свои места. Народ взволнованно ждал приговора. И среди общей настороженной тишины снова зазвучал голос Гоча.

– Господи, прости нас, если мы совершаем ошибку! Мы стараемся судить по вразумлению твоему. Спокойствие Хеви требует, чтобы Гугуа был отвержен от теми, отрешен от родни своей... Только жена может сопровождать его. Отныне никто не посмеет предложить ему огня, если увидит, что он нуждается в огне, дать ему воды, если встретит его жаждущим, подать хлеба, если он будет голоден... Все двери будут закрыты перед ним, все будут немые для него и глухи к его мольбам... О, ангелы хевского Джвари, пошлите проклятие свое на голову изменника, предателя теми!..

– Остановись! – кто-то вдруг прикоснулся к Гоча и прервал его.

Народ глухо зашумел: кто смеет прикасаться к хевисбери, когда тот стоит под сенью верховного знамени? Это был Онисе.

– Остановись, хевисбери! Гугуа прав!.. – крикнул Онисе. Его спутанные волосы взметались, глаза выступали из орбит.

Негодующий ропот усилился. Гоча шевельнул знаменем, колокольчики зазвенели – и тишина водворилась.

– Говори! – приказал он сыну.

– Гугуа прав, – нельзя наказывать невинного! У нас с ним есть причины для кровной вражды. Верно, он шел с гор и свернул вниз на тропинку только затем, чтобы убить меня... Но он натолкнулся на неприятеля... И вы напрасно обвинили его в измене!..

– Кто тебе рассказал все это? – воскликнул Гугуа, и глаза его загорелись подозрением.

– Я слышал все сам, своими ушами... Когда ты говорил, я сидел у дороги в засаде... К чему скрывать?... В гибели моих братьев повинен я, на моей душе грех... Я потерял рассудок, я пропустил врага!.. Гугуа не виновен ни в чем... – торопился досказать Онисе. Он дрожал всем телом.

Слова Онисе упали на толпу, как гром...

Ошеломленный отец дрожал от ужаса, слушая сына. Долго молчал он, потом раздался его слабый голос.

– Вот как понял ты мое наставление! – проговорил он наконец с глубоким укором. – Будь проклят! – вдруг крикнул он. – Ты станешь ненавистен для всех, ты осквернил кости предков

своих! Нет наказания, достойного тебя!.. Кровь братьев наших вопиет к небу, – обернулся он к судьям, – кровь братьев требует возмездия! Решайте же!

Старейшины посовещались, потом один из них приблизился к Гоча.

– Гоча! Твой сын не предавал Хеви... Юношеская страсть заставила его забыть свой долг...

– Тем суровой должна быть кара! Усы – знак чести мужской, он опозорил их. Мертв для нас Онисе... Он должен быть казнен на костре!..

– Гоча! – обступили хевисбери старейшины. Все напрасно

– Он должен, должен умереть!.. И если у вас не хватает отваги для справедливого приговора, – я, я сам...

Старец выхватил кинжал и с криком: «Изменник должен умереть!» – кинулся к сыну.

Сверкнул клинок, и Онисе рухнул на землю. Кинжал пронзил ему сердце насквозь.

Все это совершилось так стремительно, что никто не успел предотвратить беды.

Страшен был старец в своем исступлении, все испуганно сторонились его.

– Гоча! – подошел к нему наконец Гугуа.

– Ну? – безотчетно, словно откуда-то издали, спросил старик.

– Я говорил тебе, что не виновен я, но все равно мне не жить после такого позора...

Не может мужчина слизнуть с себя плевков... Прощай, Гоча! Прощай, мой народ!.. – Гугуа выхватил из-за пояса пистолет, наставил себе в рот дуло, и мозг его взлетел в воздух...

Старик глубоко вздохнул, испуганно огляделся и вздрогнул. Он отшвырнул от себя окровавленный кинжал... Постоял молча. Потом вдруг рухнул на землю и прильнул к холодеющему трупу сына.

– Сын мой, сын!.. – часто зашептал он.

Долго сидел он, склонившись над трупом. И вдруг поднял голову, вскочил на ноги, безумие загорелось в его глазах.

– Прочь, прочь!.. – закричал он, отталкивая что-то невидимое протянутыми вперед руками. – Кровь, кинжал... Сын, сын мой! Где мой сын? – рыдал он исступленно...

* * *

Прошли дни. Успокоился Хеви. Жизнь вошла в свою привычную колею.

Только с тех пор никто не ходил мимо леса Самтверо. Там жил умалишенный Гоча и донимал прохожих расспросами о сыне своем. Всех зазывал он к себе в гости и каждому рассказывал, что ждет, ждет своего сына с дальней дороги. Потом начинались угрозы и мольбы... Где его Онисе, почему не идет так долго, что с ним случилось?

Долго томился так несчастный безумец, пока однажды в снежную зиму не унес его в глубокую пропасть обвал.

А Дзидзии никто больше не видел с того дня, как рассталась она с Онисе.